

Позже исследователи заговорили об противоречивости Хозяйки, ее амбивалентности, тем самым делая ее образ богаче, ярче, привлекательнее для читателей.

Литература

Блажес В. В. О фольклоризме бажовских сказов [Электронный ресурс] \\\nЭлектронный научный архив УрФУ. URL
<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4977/2/fu2-1976-06.pdf> (дата обращения 12.02.2018)

Приказчивова Е. Е. Каменная сила гор Урала [Электронный ресурс] \\\nЭлектронный научный архив УрФУ. URL
<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24166/1/iurg-2003-28-02.pdf> (дата обращения 28.02.2018)

Скорина Л. И. Павел Петрович Бажов. Малахитовая шкатулка. Сочинение в трех томах, тт 1–2. М.: Правда, 1980 – 640 с.

Шумков Я. О., Екатеринбург
(науч. рук. – Снигирева Т. А.)

Женские образы в рассказах А. Платонова 1930-40-х годов в контексте традиций русской классики

Shumkov J. O.

Female characters in the A. Platonov's short stories of 1930-40s in the context of traditions of Russian classical literature

В статье прослеживается связь женских образов в рассказах А. Платонова 1930-40-х годов с традициями русской классики, а также очерчивается общее представление писателя о женском начале, выраженное в этих рассказах. Опираясь на философию пола и любви Н. Бердяева, автор предполагает, что все женщины в рассказах А. Платонова тяготеют либо к родовому началу, либо к личному. Подробно рассматриваются такие образы, как Фро, Анна Гавриловна («Старый механик») и Люба Кузнецова («Река Потудань»). Демонстрируются связи рассказов Платонова с творчеством А. Чехова, Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Ключевые слова: А. Платонов, философия любви, женские образы, рассказы, классическая литература.

The article reveals the connection between female characters in the A. Platonov's short stories of 1930-40s and traditions of Russian classical literature and describes general Platonov's views to femininity. Basing on N. Berdyaev's philosophy of sex and love, the author suggests that women in Platonov's short stories relates to generic or to personal origin. The characters like Fro, Anna Gavrilovna ("Stary Mekhanik") and Lyuba Kuznetsova ("River Potudan'") are considered in detail. The links of Platonov's short stories with A. Chekhov, L. Tolstoy and F. Dostoevsky are shown.

Keywords: *A. Platonov, philosophy of love, female characters, short stories, classical literature.*

В середине 1930-х годов А. Платонов вступает в новый творческий период. Н. Пенкина характеризует его специфику следующим образом: «Утопические и идеологические темы уступают вопросам частной человеческой жизни. Сущность человека раскрывается через экзистенциалы, то есть структурные определители целостного человеческого опыта. Образ человека раскрывается в единстве внутреннего и внешнего мира» [Пенкина 2012: 19]. Одним из следствий поворота Платонова к миру повседневности, стало то, что в его произведениях расширяется система женских образов. Создавая их, писатель, как представляется, во многом ориентировался на традиции русской классической литературы. Мы хотели бы проследить связь женских образов в платоновских рассказах 1930-40-х годов с этими традициями, а также очертить общие представления писателя о женском начале, отраженные в этих рассказах.

Размышляя о проблемах пола и любви, Н. Бердяев писал: «В мире борются два враждебных метафизических начала – личное и родовое» [Бердяев 2013: 32]. Родовую любовь он связывал с природной стихией, с бессознательным соединением полов, происходящим только ради размножения. Личная любовь для него «сверхприродна, объявляет войну смерти и необходимости, она враждебна роду, дроблению индивидуальности, не рождает в своем совершенстве, жаждет индивидуального слияния и вечности» [там же: 39]. Думается, что такой взгляд достаточно близок платоновскому. В частности, среди женских персонажей писателя можно выделить тяготеющих к родовому или личному полюсу. Опираясь на классические рассказы писателя тридцатых годов, можно сказать, что в основе платоновского мышления о женском начале лежит противопоставление матери и любовницы. Мать для Платонова подчинена интересам рода, личностное начало выражено в ней минимально. При этом Платонов относится к материнству с благоговением. Подвиг матери он видит в первую очередь в том, что она в прямом и переносном смысле

отдает себя детям. Здесь очевидно влияние идей Н. Федорова, который писал, что «рождение детей есть вместе смерть матери» [Федоров 1982: 399]. Отсюда истощенность, изможденность платоновских матерей, как, например, в «Третьем сыне»: «давшая сыновьям обильную, здоровую жизнь, сама старуха оставила себе экономичное, маленькое, скупое тело и долго старалась сберечь его, хотя бы в самом жалком виде, ради того, чтобы любить своих детей и гордиться ими» [Платонов 2011г: 354]. В рассказе «Семен» мать умирает, истощенная родами: «—Сейчас, — сказал Семен. —Мама, не рожай больше детей, я уморился. —Я больше не буду, — ответила мать; она лежала навзничь на перине и еле дышала, истощенная рождением ребенка» [Платонов 2011б: 462]. Тип любовницы в платоновском мире зачастую не имеет прямого отношения к открытой физиологии. Здесь можно вспомнить замечание И. Макаровой, которая писала, что «любовь у Платонова не половое чувство» [Макарова 2002: 461]. Любовница у Платонова отличается от матери в первую очередь более развитым личностным началом, стремлением к подлинному духовному соединению с мужчиной.

В прозе 1930-40 гг. многие женские персонажи Платонова гармонично совмещают в себе черты матери и любовницы. С одной стороны, они поддерживают семейный очаг, что соответствует интересам родовой стихии. С другой, — писатель наделяет их многогранным «я» и показывает пути, на которых женщина обретает духовное единство с любимым человеком. Одной из таких героинь является Фро из одноименного рассказа. В ней более явно, чем в какой-либо другой платоновской героине, реализована способность к самоотдаче своего «я», которую писатель считал одним из важных свойств женской природы. В этом контексте близким Платонову оказывается С. Кьеркегор, который писал: «В самоотдаче она (то есть, женщина — Я.Ш.) теряет свое “я” и только так может обрести свое счастье и, значит, вновь обрести “я”. Счастливая женщина без привязанности, то есть без самоотдачи своего “я”, кому бы оно ни отдавалась, лишена всякой женственности» [Кьеркегор 1990: 398].

Если принять такой ход рассуждений, то не совсем удачно выглядит известная параллель Фро-Душечка, предложенная А. Жолковским. В. Тюпа показал, что Оленька Племянникова «не обладает никакой внутренней заданностью, лишена способности к самостоятельному выбору жизненной позиции, пользуется готовыми, чужими самоопределениями, меняя их, как роли» [Тюпа 1989: 64]. Чеховская героиня неспособна к самоотдаче «я», поскольку отдавать ей нечего.

Вопрос о том, наделена ли Фро собственным «я» непросто, но нам представляется, что ответ на него положительный. В записных книжках Платонова сохранилась заметка, сделанная в 1936 г. при подготовке к написанию рассказа: «Наружность пошлая, волосы взбиты в уездную прическу, глаза с деланной нежностью, сладостью...» [Платонов 2006: 181]. В рассказе: «Она увидела свое отражение в окне парикмахерской: наружность пошлая, волосы взбиты и положены воланами (такую прическу носили когда-то в девятнадцатом веке), серые глубокие глаза глядят с напряженной, словно деланой нежностью» [Платонов 2011д: 403]. Можно заметить, что в рассказе портрет Фро уже не имеет тех негативных коннотаций, которыми он обладал в записной книжке. Возможно, это происходит потому, что он принадлежит уже не сознанию Платонова, а становится фактом сознания самой героини, которая критически рассматривает себя в зеркале. Здесь очевидна параллель с Ф. Достоевским, про типичного героя которого Бахтин замечал, показывая, как писатель наделяет его самосознанием: «мы видим не кто он есть, а как он осознает себя» [Бахтин 2015: 72]. Также монологи Фро, наподобие: «Я глупа, я жалкая девчонка, Федя, приезжай скорей, я выучу связь и сигнализацию, а то умру, похоронишь меня и уедешь в Китай» [Платонов 2011г: 414], помогают воспринять ее как живую личность.

Еще одна отсылка к Достоевскому в рассказе указывает на то, что Фро способна к самоопределению и отстаиванию своей позиции. Когда супруг пишет ей в тетрадь фразу «Кто сказал “а”, должен говорить “б”», она «догадывается» про обман и спрашивает у него: «А зачем после буквы "а"

обязательно говорить "б", а если не надо и я не хочу?» [Платонов 2011д: 422]. Это заявление, вводящее в рассказ экзистенциальные мотивы, типологически восходит к неприятию подпольным человеком идеи о том, что дважды два – четыре: «а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти» [Достоевский 2013: 77].

Думается, что близкой платоновской героине оказывается Наташа Ростова, также стремящаяся к самоотдаче своего «я» в семейной жизни. Можно уловить даже текстуальные совпадения, которые проявляются в описаниях этих героинь. Наташа Ростова, ожидающая Андрея Болконского: «Ей мало было любить и знать, что она любима: ей нужно теперь, сейчас обнять любимого человека и говорить и слышать от него слова любви, которыми было полно ее сердце» [Толстой 1967: 665]. Фро в ожидании Федора: «Она привыкла любить уехавшего, она хотела быть любимой им постоянно, непрерывно, чтобы внутри ее тела, среди обыкновенной, скучной души, томила и произрастала вторая, милая жизнь» [Платонов 2011д: 403].

В платоновском мире близкой к Фро в способности к «положительной» самоотдаче, становится «жена машиниста» Анна Гавриловна, которая «привыкла следить за мужем и тихо думала о нем все дни и ночи, чутко ощущая еле слышный запах машины от его волос и одежды, когда муж был дома, и воображая его про себя, когда он находился в поездке» [Платонов 2011в: 514]. Личностное, при этом, в ней выражено меньше, чем во Фро, хотя отнюдь не нивелировано. Живя интересами мужа, Анна Гавриловна не становится второй его тенью, а постоянно вступает с ним в полемику и зачастую одерживает верх. Своеобразным обобщением этой ситуации становится финальная фраза рассказа, в которой заметна авторская ирония: «Старый механик не стал здесь спорить со своей женой. Он допускал самостоятельность ее суждения» [там же: 518]. Отметим, что, возможно, именно Анна Гавриловна, а не Фро задумывалась Платоновым в качестве параллели чеховской Душечке. Советы Анны Гавриловны Петру Савельичу и Кондрату, как обращаться с паровозом, сопровождает фраза повествователя:

«Петр Савельич и Кондрат оставили речь женщины без ответа. Им нечего было отвечать человеку, чуждому механике» [там же: 516]. На наш взгляд, это отсылка к известной сцене из «Душечки», в которой Племянникова беседует с коллегами мужа-ветеринара «о чуме на рогатом скоте, о жемчужной болезни, о городских бойнях», после чего тот обращается к жене со словами: «Я ведь просил тебя не говорить о том, чего не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говорим между собой, то, пожалуйста, не вмешивайся» [Чехов 1982: 134]. Неслучайными в этих сценах представляются различные реакции мужчин на желание женщин участвовать в их делах. Если советы Анны Гавриловны обеспечены волнением за любимых людей, то Душечка интересуется делами очередного мужа совершенно формально, произнося «мертвые слова», не имеющие для нее смысла.

У Платонова есть героини, как бы находящиеся на пути к своеобразному идеалу, обрисованному в образах Фро и Анны Гавриловны, например, Люба Кузнецова из рассказа «Река Потудань». Люба явно склоняется к полюсу материнства, она находится во власти безличной стихии рода. В контексте этого абсолютно верными кажутся замечания Т. Вахитовой: «Мечта о близости с Никитой имеет не форму эротического влечения, а заботу о будущих детях. В основе страданий Любы лежит идея продолжения рода, неосуществленного материнства» [Вахитова 2000: 87]. Слабое развитие личностного начала в Любе заметно по ее склонности к стереотипному восприятию действительности. Так, на вопрос медсестер о том, правда ли, что «любовь – это нечто чарующее, а замужество по любви – упоительное счастье», она отвечает: «Все это чистая правда, оттого и люди на свете живут» [Платонов 2011а: 445]. Слишком глубокая укорененность в родовой стихии, свойственная как Любе, так и Никите, оборачивается для них отсутствием духовной и физической близости. По финалу рассказа мы можем предположить, что Люба стала несколько ближе к полюсу «любовницы», обретя возможность установить духовную связь с Никитой.

Мы видим, что представление о женском начале, выраженное в «смиранных» рассказах Платонова, в целом, вписывается в контекст русской классической литературы. Возможно, писатель обратился к этой традиции, потому что понимал, что гармонизировать мир его мужских героев, технократов и странников, может только женщина-товарищ, единомышленница. Платонов считает главным в любви духовную близость мужчины и женщины и показывает пути ее обретения. Это делает его близким В. Соловьеву, который писал: «Свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви» [Соловьев 1991: 146].

Литература

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, 2015.
- Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви // Эрос и личность. СПб.: Азбука, 2013. С. 24 – 76.
- Вахитова Т.* Пейзаж у реки Потудань // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: Наука, 2003. С. 85 – 91.
- Достоевский Ф.* Записки из подполья. СПб.: Азбука, 2013.
- Костов Х.* Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Helsinki, 2000.
- Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. М.: Горьковская правда, 1990. С. 360-477.
- Макарова И. А.* Роман А. Платонова «Счастливая Москва» – в поисках вечной гармонии // Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы / Под ред. С. И. Тиминой. СПб.: Высшая школа, 2002. С. 450 – 466.
- Пенкина Н. В.* Философские идеи прозы Платонова: проблема человека. Нижневартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2012.
- Платонов А. П.* Записные книжки: материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Платонов А. П.* Река Потудань // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2011а. Т. 4: Счастливая Москва. С. 425 – 454.
- Платонов А. П.* Семен // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2011б. Т. 4: Счастливая Москва. С. 454 – 466.
- Платонов А. П.* Старый механик // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2011в. Т. 4: Счастливая Москва. С. 511 – 518.
- Платонов А. П.* Третий сын // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2011г. Т. 4: Счастливая Москва. С. 353 – 359.

Платонов А. П. Фро // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. М.: Время, 2011д. Т. 4: Счастливая Москва С. 402 – 425.

Соловьев В. С. Смысл любви // Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 125-183.

Толстой Л. Н. Война и мир, т. 3-4. М.: Худож. лит., 1967.

Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высшая школа, 1989.

Федоров Н. Ф. Из I тома философии общего дела // Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 53 – 507.

Чехов А. П. Душечка // Дом с мезонином: Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1983. С. 130 – 137.

Романовская И. В., Петрозаводск
(науч. рук. – Спиридонова И. А.)

Донкихотовский герой в шведском переводе романа «Чевенгур»

А. Платонова «Дон Кихот в революции»

Romanovskaia I. V.

**A new type of hero Don Quixote in the Swedish translation of the novel
«Chevengur» by A. Platonov «Don Quijoteirevolutionen»**

Целью статьи является анализ образной системы переведенного на шведский язык Свенном Вальмарком романа «Чевенгур» под названием «Дон Кихот в революции». Образная параллель с Дон Кихотом устанавливается в отношении многих героев-правдоискателей в «Чевенгуре», в «Дон Кихоте в революции» донкихотовские аллюзии сфокусированы в образе Степана Копенкина. Образно-функциональное сходство Копенкина с Дон Кихотом в шведском переводе усилено сокращением текста, как следствие – изменением сюжета и системы персонажей. Это позволяет рассматривать перевод Вальмарка как «шведскую редакцию».

Ключевые слова: шведская рецепция, «Чевенгур» А. Платонова, «Дон Кихот в революции», С. Вальмарк, «Дон Кихот» М. де Сервантеса, Степан Копенкин.

The purpose of the article is the analysis of figurative system of the novel «Chevengur» translated to Swedish by Sven Vallmark under the name «Don Quijoteirevolutionen». The figurative parallel with Don Quixote is established in the case of many heroes in «Chevengur», but in «Don Quijoteirevolutionen» it is focused in StepanKopenkin's image. The figurative and functional similarity of Kopenkin to Don Quixote in the Swedish translation is enhanced by reduction of the text, as a result – change of a plot and the system of characters. It allows to considerVallmark's translation as «the Swedish interpretation».

Keywords: Swedish reception, «Chevengur» byA. Platonov, «Don Quijoteirevolutionen», S. Vallmark, «Don Quixote» of M. de Cervantes, StepanKopenkin.